

ТЫ В СЕРДЦЕ МОЕМ, СИБИРЬ...

рились. Узнаю, что он был директором знаменитого некогда «Кедрогграда»... Долго и обстоятельно говорили о земле. О том, что люди с ней наделали... Больно, горько и обидно!

— И что же случилось с вашим «Кедрогградом»?

— Вырубали кедр...

Вырубали... Рубят... Губят реки сплавом...

Так рождалась пьеса «Мотивы»... Вначале увиделась танцплощадка. Ее я помню. Леспромхоз «Октябрьский» на Китое. Там я работал лето... Потом в воображении возникли музыканты... Они пришли ко мне из моего детства. Рядом с нашим домом в Черемхове парк. По вечерам из парка неслись звуки духового оркестра. Бум-бум... Гулко звучит бас-туба Вени Денисова. Держит ритм на барабанах Саша Старковский, хрипло и невыносимо прекрасно ведет мелодию сакс-тенор Вити Комарова...

И это было! И разговоры о войне... Они все прошли войну. И о музыке, и просто о жизни. Музыканты сидели на зеленой траве. Солнце сквозь кружево березовых листьев, мужские голоса и медь труб на солнышке.

Вместе с Шипуновым ко мне пришел герой. Я назвал его Федором Столбовым. Раненая земля... Если в «Занавесах» из села угоняют коней, и это рождает трагедию (все в мире взаимосвязано), то в «Мотивах» мы присутствуем после факта трагедии. Степан приходит из тюрьмы. Его спасает мысль о необходимости заботы о родной земле. Она в руках Степана. И какие эти руки; такая и будет жизнь. Эту роль в спектакле поразительно играет Владимир Ильин. О нем еще будут писать. Ильин—явление! Александр Ермаков играет Столбова так, словно отправляет весь зрительный зал от Тверского бульвара туда, где

больно. И, словно звук флейты,—Алена Бондарчук. Без нее спектакль стал бы намного беднее.

Постигая жизнь своей Родины, вначале постигаешь ее размеры, а уж после историю. История есть главное знание каждого человека. Историей занимаюсь с детства. Первая историческая пьеса—«Хабаров». Она родилась в Хабаровске. Местный писатель, поразительной красоты человек, бывший директор краеведческого музея С. Н. Сысов подошел ко мне походкой таежного человека. Огромный, с серебряной бородкой. Он и рассказал мне о Хабарове.

— Да ты напиши, напиши про Якуто, про Хабарова! Что вы все про коммуналку да про коммуналку! Ведь человечество какой!

И вот я представил себе, как пробираться зимней дорогой к царю Алексею Михайловичу Ерофей Павлович Хабаров. Вышел царь на крыльцо. Протиснулся Хабаров через толпу и крикнул:

— Так ли ты жалуешь, государь, людей, что земли тебе открывают?

— Кто таков?

— Хабаров я! Ярко Хабаров!..

Да не переведутся на нашей земле Хабарова! Кстати, не так давно найдена его могила. На реке Лене. Прожил он сто двадцать лет.

Еду в Орел. На премьеру своей пьесы «Святой и грешный». Постановка Владимира Бурз. Думаю о пьесе... Попадаю в город и вижу памятник Лескову. Неистовый Лесков! Вот где я с тобой встретился...

Смотрю на Лескова и думаю, что есть кому подражать и завидовать. Жаль, что он пьес не писал! Я уверен,

что каждый большой художник должен написать хотя бы одну пьесу.

Где-то у самого Байкала сидит за столом Валентин Распутин. Ночь. Ангара несет свои холодные и чистые воды. Сидит человек, исписывает мелким почерком бумагу, и растет роман.

Самое удивительное в людях— талант. Сибирь... Мое Отечество... Уезжая, я думал, что покинул его. Нет, никогда его не покину! Я думаю о Распутине, и где-то высоко наши мысленные волны соприкасаются.

Сибирь... Степан Лабазеров. Встретился с ним в Иркутске. Немного притихший от шумливой артели съехавших режиссеров. Сидим против режиссерской гвардии. Каждый старается что-то сказать... Неприятно, что драматурги выглядят, как перезревшие невесты, а режиссеры—такие щеголи-женитки. На другой день в Иркутске встреча с Валентином Распутиным. И разговор он свой начал, сразу попав в суть проблемы: «Никогда на Руси не было театра злобствующего. А тут смотришь спектакль... злые!»

Князь Александр Ярославич Невский. Почему-то я его мысленно увидел босым, сидящим на зеленой траве. Рубаха мокрая от пота, светлые волосы, выгоревшие в походах до белизны, потемнели... Вот он набрал полную грудь воздуха, выдохнул и поднял голову. Серые глаза внимательно поглядели на другую сторону реки... Что он для меня? Прежде всего это один из первых русских интеллигентов. Вся отечественная культура стоит на образованных, умных и сильных личностях. Где-то затерялось имя автора «Слова о полку Игореве», но

скольких авторов мы знаем! Некоторых из них мы узнали благодаря трудам академика Лихачева.

Князь Невский... В двадцать с небольшим он совершает два великих сражения и побеждает. Полководец, политик, дипломат. Патриот! Ему сулили корону Европы, но он остался верен своей земле. Из глубины веков на нас смотрят серые глаза князя Александра.

Что значит быть патриотом? Любить свое Отечество, работать для него, служить на совесть.

Кто сегодня смог бы работать в историческом театре? Мечтаю, чтобы моего Хабарова сыграл Михаил Ульянов. Вижу Юрия Яковлева в роли Федора Иоанновича... Вижу в историческом театре Георгия Буркова... Высокие устремления наших предков должны быть услышаны сегодня. И донести их могут артисты. Как прав Михаил Ульянов, сказав, что мы социально—советские, но национально—русские. Как много может дать исторический театр и режиссерам, таким, как Валерий Бухарин, задумавший поставить диалог «Ратоборцы», рассказав обо всей жизни Александра Невского. А разве не интересно, если бы на подмостки пришел Никита Михалков?

Режиссер Алексей Бурков открыл для москвичей драматурга Степана Лабазерова. Театр из города Улан-Удэ привозил в Москву «Маленький спектакль на лоне природы». И сейчас хорошо бы этому режиссеру поработать с московскими артистами. Ему есть что открыть. Он человек ищущий! Я уверен, поставь он в Москве Степана Лабазерова, было бы интересно всем. А у Степана Лабазерова задумка, он мечтает написать цикл пьес об одной деревне. Найдется ли для него театр? Сейчас Алексей Бурков создает театр

одноактной драмы в Москве, на Покровке. Вот вам и еще один театр рождается! Рождение... Оно прекрасно.

В моем городе Черемхове сгорел театр. В самом прямом смысле этого слова сгорел. Мальчишки дразнят артистов, говоря, что они из погорелого театра. Вот уж несколько лет идет разговор о закрытии этого театра.

Не надо закрывать театры на периферии, нужно помочь им! Прежде всего нужна заинтересованность главного режиссера театра. А есть ли таковой в Черемховском театре? Нет. Я понимаю, никому неохота ехать в такую даль. Значит, надо найти своих, местных ребят, выучить их. Они приедут. Они будут работать! Ни для кого не секрет, если партийный руководитель ходит в театр, то и отношение к театру в городе иное. Об этом я говорил с первым секретарем Черемховского горкома партии Валерием Викторовичем Хребтовским. Конечно, и без театра проблем много. Водоснабжение ухудшилось. Ангара обмелела... Надо строить новые жилые кварталы, надо...

Все надо! Пришел в свой интернат, где когда-то учился. Директор Любовь Алексеевна узнала меня. Сели, поговорили... Я слушал ее, а сам не мог прийти в себя. Моя школа, мой интернат, некогда чистенький, с ковровыми дорожками, сейчас выглядел, как после пожара. В городе нет настоящего Дома пионеров. Есть старое, холодное деревянное здание, где ничего невозможно разместить. Сибирь... В маленьком Черемхове, как в капле, отражены все проблемы Сибири. А я мечтаю, что откроют в моем городе музей народного быта и искусства. И чтобы театр и музей составляли бы одно целое. Чтобы это был живой организм.

Сибирь... Золотой фонд России! Так сказали о моих земляках во время войны.

Пора заканчивать... Записки продолжают, время идет, но оно никак не уходит. Материализованное руками и умом человека, согретое его сердцем, оно остается служить нам.

Фото Г. Швец.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

3 ИЮНЬ 1984

В этих коротких записках из писательского блокнота известный драматург Михаил Ворфоломеев рассказывает о том, как пришли к нему его герои, размышляет о природе творчества, о своих гражданских позициях—человека и художника.

В тысяча девятьсот семьдесят шестом году мне довелось познакомиться с Фотеем Яковлевичем Шипуновым. Познакомил нас режиссер Э. Каймов. Разгово-